

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ПОЧЕМУ ТРУДНО РАЗРЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕРХНИХ СЛОЕВ СЕВЕРНОРУССКОЙ ГИДРОНИМИИ?

Широко распространенное мнение об угро-финском происхождении севернорусской и значительной части среднерусской гидронимии было в свое время подготовлено работами известных финно-угристов, в числе которых следует упомянуть М. Кастрена, Я. Калима, И. Миккола и А. Алквиста¹; в особенности много сделал в этом отношении М. Фасмер², хотя его концепция не всегда была последовательна.

Было бы совершенно бессмысленно отрицать эту гипотезу в целом хотя бы по той причине, что на севере Европейской части СССР (далее — Север) и в районах, расположенных южнее, в настоящее время проживают народы, финно-угорское происхождение которых не может вызвать никаких сомнений. Речь идет о саамах, карелах, вепсах, коми, мордве и марийцах. Имеются убедительные данные о том, что территории расселения этих народов в древности были более обширными. Изучение топонимии и гидронимии на территориях с финно-угорским населением, а также топонимических следов их пребывания на других территориях, составляет особую задачу в области изучения севернорусской и среднерусской гидронимии.

Если выражаться точнее, то следовало бы назвать теорию финно-угорского происхождения среднерусской и севернорусской гидронимии западнофинской теорией. А. И. Шёгрен, Я. Калима, М. Кастрен, А. Алквист, М. П. Веске и их последователи представляли древнюю территорию северной и средней полосы Европейской части СССР как ареал преимущественного распространения народов западнофинского происхождения. Лишь очень немногие, например М. Фасмер, привлекали данные языков волжской группы. Той же точки зрения, в основном, придерживаются и их современные последователи. Обнаруживается явная тенденция применить западнофинскую теорию к объяснению почти всех слоев севернорусской и среднерусской гидронимии и топонимии. В настоящей статье мы стремимся показать, насколько правомерно применение западнофинской теории и вообще финно-угорской теории в ее широком понимании к объяснению происхождения более глубоко лежащих слоев севернорусской и среднерусской гидронимии, особо акцентируя те большие трудности, которые возникают при их изучении.

¹ М. А. C a s t r é n, *Nördische Reisen und Forschungen*, V — *Kleinere Schriften*, St.-Pb., 1862, стр. 86—108; J. K a l i m a, *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*, MSFOu, 44, 1919; J. M i k k o l a, *Finnisch-slavische Beziehungen*, «Finnisch-ugrische Forschungen», 1, 1902; стр. 76; A. A l q u i s t, *Kalevalan Karjalaisuus*, Helsingfors, 1887.

² М. V a s m e r, *Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung*, Berlin, 1941 («Vorträge und Schriften [der Preussischen Akademie der Wissenschaften]», 5); ег о ж е, *Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas*, IV, «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften» (далее SPAW), Philos.-hist. Kl., XVI—XX, 1936.

Основная трудность состоит в том, что севернорусская и среднерусская гидронимия многослойна. В этом легко можно убедиться чисто эмпирически. Возьмем такие названия, как *Суоярви*, *Питкяярви*, *Руогоярви*, *Йнисъёки*, *Бадъ-ю*, *Видзь-ю*, *Лем-ю*, *Ниа-ю*, *Ком-ю*, *Музенгер*, *Лавраенгер*, *Инелей*, *Леплей*. Каждый карел, коми, мариец и мордвин легко опознает в этом списке гидронимию, принадлежащую его языку, и объяснит без особого труда, что эти названия обозначают. Но попробуйте их спросить, что означают такие названия, как *Нара*, *Шара*, *Имза*, *Кача*, *Куса*, *Кокша* или *Ваеньга*, *Коченьга*, *Пурсанга*, *Пертома*, *Яхрома* и т. д. Ответ будет отрицательным. Отсюда можно сделать только один вывод — лексика верхних гидронимических слоев неизвестна. Сторонники финской теории утверждают, что они обладают большими преимуществами, располагая обширными архивными материалами, содержащими разночтения и разные формы гидронимов. Однако архивные материалы не в состоянии раскрыть значения гидронимов. Остается один путь — этимологизирование по внешнему сходству. Этот путь открывает самые широкие возможности для различных и иногда совершенно противоречивых толкований. Так, например, первый составной элемент гидронима *Яреньга яр-*, остающийся за вычетом закономерно повторяющегося в других гидронимах суффикса *-еньга*, например, *Ел-еньга*, *Коч-еньга*, *Лед-еньга*, *Мард-еньга* и т. п., сопоставляется с саам. *jaw're* и фин. *järvi* «озеро»³. Однако при учете диалектного коми-зырянского названия этой реки *Еринь* (<*jerin*) он может быть сопоставлен с манс. *jēr* «край», коми-зырян. *йир* «омут», «глубокое место», ненец. *ёря* «глубокий» (ср. хант. *йёцар* «волк») и т. д. Совершенно неясно, связан ли первый составной элемент гидронима *Томинга* с фин. *tuomi* «черемуха» (ИЭР, стр. 115) или с гидронимом *Тома*. Первый составной элемент гидронима *Ухт-ым*, *ухт* связывается то с мордовск. *овто* «медведь» (из *oŷto*)⁴, то с эвенкийск. *окта* «тальник; полярная ива» (ИЭР, стр. 125). Он может быть сопоставлен с хант. *uxtä* «верхняя сторона» (предположительно: «яр; высокий берег», ср. хант. *awät* «мыс; крутой берег», из первоначального *эүät*)⁵. Все это лишний раз показывает чрезвычайную шаткость различных этимологий, которыми часто пользуются сторонники западно-финской теории.

Нет ничего удивительного в том, что гидронимия северной и средней полосы Европейской части СССР многослойна. При изучении проблемы происхождения верхних слоев севернорусской гидронимики необходимо всегда иметь в виду, что территория Севера во все исторические эпохи не была абсолютно замкнутой территорией. Приток населения мог идти с запада, юга и востока. Территория Скандинавии и Финляндии, по-видимому, в древности была очень слабо заселена; кроме того, ее полуостровное положение не способствовало сколько-нибудь значительной миграции населения. Основной путь проникновения древнего населения на Север шел из Средней Руси. Южнорусские степи всегда служили ареной передвижения значительных масс населения, которые время от времени теснили население средней части России, заставляя его частично или полностью продвигаться к Северу. Так называемое «давление степи» было всегда постоянно действующим фактором. Не исключена была также возможность проникновения на территорию России населения из Западной Сибири.

³ А. К. М а т в е е в, Историко-этимологические разыскания, «Уч. зап. [Уральского гос. ун-та]», 36 — Языкознание, 1960 (далее в тексте — ИЭР), стр. 115.

⁴ А. К. Матвеев, Происхождение основных пластов субстратной топонимики русского Севера, ВЯ, 1969, 5, стр. 51 (далее ссылки на эту статью приводятся в тексте указанием стр.).

⁵ W. Steinitz, Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache, I, 1966, crp. 50.

Бродячие лесные племена в поисках удобных мест для рыбной ловли и охоты могли постоянно переходить Уральский хребет и распространяться по территории Севера и областей, лежащих южнее; такому передвижению в немалой мере способствовали текущие на запад и юго-запад реки: Вычегда открывала путь в бассейн Северной Двины, а Кама была путем на Волгу.

Высказанное выше предположение вполне подтверждается гидронимическими данными. О движении древнего населения из средней Руси и с верхней Волги на Север свидетельствуют гидронимические повторы (с ударением на первом слове), ср., например, названия рек: *Анда* в Горьковской области и *Анда* в бассейне Онеги; *Воя* в бассейне Вятки и *Воя* — река, впадающая в Онежскую губу; *Вичуга* в бассейне Волги и *Вичуга* в бассейне Онеги; *Икша* — река в Московской области и *Икша* — приток Верхнего Выга (Карелия); *Коза* — река в Ярославской области и *Коза* — приток Вашки; *Корба* в бассейне Волги и *Корба* — река, впадающая в Мезенский залив; *Коша* в бассейне Волги и *Коша* в бассейне Онеги; *Куланга* — приток Свияги и *Куланга* — река, впадающая в Белое море; *Конда* — приток Шексны и *Конда* — приток Нижнего Выга; *Кудьма* в бассейне Волги и *Кудьма* в бассейне Белого озера; *Кума* в бассейне Ветлуги и *Кума* — приток Кемы; *Куча* в бассейне Волги и *Куча* — приток Ижмы (бассейн Печоры); *Луза* — приток Юга (бассейн Сухоны) и *Луза* в бассейне Печоры; *Мягра* в Ярославской области и *Мегра* — река, впадающая в Белое море; *Моша* в Рязанской области и *Моша* (бассейн Онеги); *Носа* в бассейне Шексны и *Носа* в бассейне Мезени; *Она* в бассейне Вятки и *Она* в бассейне Мезени; *Пеза* в бассейне Волги и *Пеза* в бассейне Мезени; *Печенга* в бассейне Костромы и *Печенга* в бассейне Сухоны; *Пидьма* — приток Шексны и *Пидьма* — приток Свири; *Пижма* в бассейне Вятки и *Пижма* в бассейне Мезени; *Сула* — приток Казанки (бассейн Волги) и *Сула* в бассейне Печоры; *Тойма* в бассейне Вятки и *Тойма* в бассейне Сев. Двины; *Уда* в бассейне Оки и *Уда* — приток Нижнего Выга; *Ула* в бассейне Оки и *Ула* — приток Лузы (бассейн Юга); *Унга* в бассейне Камы и *Унга* в бассейне Нижнего Выга; *Унжа* — приток Оки и *Унжа* в бассейне Вятки; *Ура* в бассейне Волги и *Ура* — река, впадающая в Белое море; *Урдома* в бассейне Волги и *Урдома* — населенный пункт на Нижней Вычегде; *Шуя* в бассейне Волги и *Шуя* в бассейне Онежского озера; *Шача* в бассейне Костромы и *Шача* — приток Уфтюги, впадающей в Северную Двину.

Связи древнего населения Средней России и Севера подтверждаются также одинаковостью структурного типа гидронимов на их территориях. Мы не раз указывали на то, что некоторые гидронимы на Севере и в Средней России имеют одинаковые концовки, которые, возможно, были суффиксами и несли на себе определенную семантическую нагрузку⁶. В гидронимах Севера выделяются суффиксы: *-ма*, *-га*, *-ша* (*-жа*), *-са* (*-за*), *-та* (*-да*), *-ра*. Подобные же речные суффиксы встречаются и в гидронимах более южных областей — Кировской, Горьковской, Ярославской, Костромской, Ивановской и Рязанской. Характерны также гидронимы с окончанием *-ома* в Средней России и на Севере, ср. *Яхрома* (Моск. обл.), *Подома* (басс. Вычегды), *Ведома* (Моск. обл.) и *Урдома* (басс. Вычегды), *Кострома* (басс. Волги) и *Елома* (басс. Онеги), *Андома* (приток Костромы) и *Пучкома* (басс. Мизени), *Пастома* (басс. Волги) и *Лахома* (басс. Сев. Двины), *Ухтома* (басс. Волги) и *Няндома* (басс. Онеги), *Пертома* (басс. Волги) и *Полтома* (басс. Пинеги).

⁶ См. наши статьи: «Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР» (ВЯ, 1955, 6) и «К проблеме этнической и языковой принадлежности создателей гидронимии на -*им* (-*им*)» («Nyelvtudományi közlemények», LXX, 1, 1963).

Топонимические данные не расходятся с данными археологии. В свое время была высказана мысль о возможности заселения Карелии из районов Волго-Окского междуречья; при этом отмечалось, что «на древнейших стоянках Карелии мы встречаем керамику, наиболее близкую по типу к древней среднерусской керамике»⁷. К выводам о связи древнего населения Севера с населением Волго-Окской области пришла археолог М. Е. Фосс; она утверждает, что «Север заселялся из разных областей, чем и объясняется сходство, наблюдаемое в стиле орнаментики в восточной его части — с Западной Сибирью, в средней — с волго-окской областью и т. д.»⁸.

Некоторые современные топонимисты и этимологи очень неодобительно отзываются о так называемой угорской гипотезе Д. П. Европеуса, пытавшегося в свое время объяснить некоторые названия рек с помощью обско-угорских языков⁹. Конечно, нельзя отрицать, что Д. Европеус допускал преувеличения и располагал очень незначительным фактическим материалом, однако это не основание для вывода об отсутствии связей между гидронимией Севера и Западной Сибири.

Прежде всего следует иметь в виду, что в древности на северо-востоке России существовал довольно значительный ареал гидронимов с характерными окончаниями *-ым, -им, -ум*, простиравшийся, примерно, от нижнего течения Печоры до бассейна Суры, например, *Лозым, Локчим, Нювчим, Уктым, Колчим, Молым* и т. д. Этот ареал хорошо прослеживается на территории Коми АССР и на прилегающих к ней территориях, а также в Кировской, Марийской и Пермской областях, на территории Удмуртской и Башкирской республик, в Верхнем и Среднем течении Камы и Приуралье. За Уралом он распространяется почти по всему течению Оби. Некоторые гидронимы этого типа есть в бассейне Енисея и Лены. Принадлежит этот слой, по-видимому, сородичам обских угров, проникшим в древние времена из Западной Сибири в Европейскую часть СССР¹⁰. Об этом передвижении свидетельствуют гидронимические и топонимические повторы. Ср. названия рек: *Тугулым* (Тюменск. область) и *Туглим* (Нижняя Вычегда); *Пельым* (басс. Оби) и *Пельым* (басс. Камы); *Салым* (басс. Оби) и *Салым* (басс. Камы); *Алым* — приток Иртыша и *Алым* (басс. Камы); *Ишим* — приток Иртыша и *Ишим* (басс. Суры); *Курчум* — приток Иртыша и *Курчум* (басс. Вятки); *Висим* — приток Сосьвы и *Висим* (басс. Камы); *Мулымья* (басс. Оби) и *Молым* (басс. Камы); *Мозым* — приток Оби и *Мозым* — старое название реки Мезени; *Лусум* — мансийское название Лозьвы (басс. Оби) и *Лозым* — приток Сысолы; *Челым* (басс. Оби), *Чилим* (басс. Суры), *Чилим* — коми-зырянское название реки Цильмы (басс. Печоры); *Кольчум* (басс. Енисея) и *Колчим* (басс. Камы) и т. д.

Кроме того, можно установить коррелятивные пары гидронимов, явно показывающих сходство первых составных частей названий рек Северной и Средней России и гидронимов с характерными концовками *-ым, -им, -ум*. Приведем список наиболее характерных совпадений: *Авд-юга* — *Овд-ым*; *Акч-юг* — *Акч-им*; *Ард-еньга* — *Ард-ым*; *Ар-еньга* — *Ар-им*; *Ач-юг* — *Ач-им*; *Вид-юга* — *Вит-им*; *Виз-еньга* — *Виз-им*; *Вол-юга* — *Вол-им*; *Вонд-онга* — *Вонт-ым*; *Вохт-онга*, *Вохт-юга* — *Вухт-ым*; *Из-юга* — *Из-юм*; *Инд-онга* — *Инт-ым*; *Иш-енга* — *Иш-им*; *Куд-анга*, *Куд-юг* — *Кут-им*; *Куз-еньга* —

⁷ А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1940, стр. 32; ср. стр. 33.

⁸ М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера Европейской части СССР, М., 1952, стр. 39.

⁹ Д. Европеус, К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян, ЖМНП, ч. СХХХІХ — июль, 1868.

¹⁰ См.: Г. М. Буров, Б. А. Серебренников, Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных, АЛ, Budapest, 17, 3—4, 1967.

Куз-им; Курч-еньга — Курч-им, Кар-юг — Кар-ым, Кас-юга — Кас-ым, Кач-ега — Кач-им, Кест-еньга — Кест-ым, Кич-уг — Кич-им, Кольч-уг — Колч-им, Кост-юга — Кост-юг, Коч-еньга — Коч-ум, Мол-онга — Мол-ым, Мурд-юг — Мурт-ым, Нювч-еньга — Нювч-им, Пер-еньга — Пер-ым, Пыч-юг — Пыч-им, Сал-анга — Сал-ым, Сез-енга — Соз-им, Сорь-юга — Сор-ум, Торд-еньга — Торт-ым, Ухт-юга — Ухт-ым, Цил-еньга — Чил-им, Чер-еньга — Чир-юг.

На территории Европейской части СССР имеются гидронимы с аффиксами *-егда, -огда, -охта, -ехта*, например, *Вычегда, Рочегда, Пчегда, Вологда, Изохта, Серохта, Инзохта, Нерохта, Нендохта, Нерехта, Паехта, Порехта* и т. д. Эти форманты могут быть сопоставлены с мансийским словом *ахт* «протока», ср. название реки *Вычегда*, которое можно сопоставить с манс. *ванши* «травы»¹¹ и *ахт* «протока». Коми-зырянское название этой реки *Эжва* является буквальным переводом.

Обращают также на себя внимание гидронимы с суффиксом *-ыш, -иш*. Основной район их концентрации — бассейн Камы, ср. такие названия, как *Падыш, Кондиш, Курдыш, Кучмыш, Ландыш, Водыш* и т. д. Названия этого типа спорадически встречаются и за пределами бассейна Камы, ср. *Вандыш* (Вычегда), *Юмыш* (Сев. Двина), *Сазтыш, Мордыш* (Нерль), *Шонтыш* (Сухона), *Ухтыш* (Волга) и т. д. Омонимичный суффикс встречается также в названиях некоторых рек Западной Сибири, например, *Иртыш, Чарыш, Тумыш, Нарыш, Чумыш* и т. д. Формант *-ыш, -иш* можно связать с хант. *jaši* «ручей».

В свое время А. И. Соболевский отмечал, что «пространная Западная Сибирь по названиям своих рек, озер, гор, несомненно, связана с Россией»¹². Приведенные нами факты, подтверждая это мнение, не расходятся с данными археологии. По предположению современных археологов, первичное заселение Севера Европейской части СССР происходило с Южного Урала и Приуралья. Эта гипотеза подтверждается не только сходством в типах вещей древнейших и более поздних стоянок от Прибалтики до Урала, но и сходством антропологического типа древнего населения Севера с современным южноуральским. Время этого первичного заселения Севера А. Я. Брюсов датирует VII—VI тысячелетием до н. э.¹³

Позднее этническая карта Севера, по-видимому, изменилась в связи с проникновением населения из Средней России. «Резкое различие в орнаментальных традициях племен Приуралья и волго-окского бассейна указывает на этническое различие населения в конце III — начале II тысячелетия до н. э.»¹⁴. Археолог Г. М. Буров, исследуя памятники так называемой ванвиздинской культуры, распространенной в Вычегодском крае, Южном Припечорье и северо-восточной части Верхнего Прикамья, пришел к выводу, что эти памятники принадлежат к кругу западносибирского типа¹⁵.

Интересно в этой связи привести вывод, который сделал в результате своих археологических изысканий А. П. Окладников: «Монголоидные черты в облике населения Прибалтики могли появиться так далеко на

¹¹ С хант. *vanži* «травы» и манс. *vansih* «поросший травой» впервые сопоставил это название Ю. Вихман (Y. W i s h m a n n, Etymologisches aus den permischen Sprachen, «Finno-ugrische Forschungen», III, 3, 1903, стр. 103).

¹² А. С о б о л е в с к и й, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС АН СССР, XXXII, 1927, стр. 38.

¹³ А. Я. Б р ю с о в, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 39.

¹⁴ М. Е. Ф о с с, указ. соч., стр. 173.

¹⁵ Г. М. Б у р о в, Вычегодский край. Очерки древней истории, М., 1965, стр. 138, 182—185.

западе в Прибалтике только в результате распространения монголоидных в антропологическом отношении племен с востока, из Западной Сибири»¹⁶.

Существует еще одна проблема, которая сторонниками финской теории обычно не принимается во внимание. Мы имеем в виду возможную связь гидронимии северной и средней полосы Европейской части СССР с гидронимией более отдаленных районов Сибири¹⁷.

Можно привести звуковые совпадения — полные и неполные — некоторых гидронимов северной и средней полосы Европейской части СССР, с одной стороны, и Сибири, с другой. Ср.: *Илим* — приток Ангары и *Илим* — приток Чусовой; *Кольчум* (басс. Енисея) и *Колчим* (басс. Камы); *Витим* — приток Лены и *Витюм* (река в бассейне Верхней Волги); *Большой* и *Малый Урюм* — притоки Шилки (басс. Амура) и *Урюм* — приток Верхней Волги; *Ухтум* (басс. Ангары) и *Ухтым* (басс. Камы); *Чуга* — приток Алдана и *Чуга* — приток Пинеги; *Оса* — приток Ангары и *Оса* — приток Вашки (басс. Мезени); *Кемчук* — приток Чулыма (басс. Оби) и *Камчуг* — приток Лименды (басс. Вычегды); *Куренга* — приток Алдана и *Куренга* (басс. Ваги); *Коченьга* — приток Илама (басс. Ангары) и *Коченьга* — приток Сухоны; *Ненюга* — приток р. Тунгира, впадающего в Олекму, и *Ненюга* — приток р. Юга (басс. Северной Двины); *Куленга* — приток Лены и *Коленьга* — приток Сухоны; *Качуг* — приток Лены и *Кочуга* (басс. Ветлуги); *Тулома* — приток р. Улу-юл, впадающей в Чулым (басс. Оби), и *Тулома* — река на Кольском полуострове; *Кокша* — приток р. Катунь (басс. Оби) и *Кокша* — приток Верхней Волги; *Пеза* — приток р. Кын (Алтай) и *Пеза* — приток Мезени; *Сума* — приток Чулыма (басс. Оби) и *Сума* (впадает в Онежскую губу); *Ура* — приток Лены и *Ура* — приток Юлы (басс. Пинеги); *Акиша* (басс. Амура) и *Акиша* (басс. Волги) и т. д.

Предполагаемые связи севернорусской гидронимии с сибирской также не расходятся с данными археологии. Как утверждает А. П. Окладников, «изучение неолитических памятников Нижнеленского края приводит нас к выводу о значительном совпадении между культурой местных племен и культурой древнего населения Карелии или вообще севера Западной Европы...»¹⁸.

Современное состояние археологических исследований Севера и Сибири диктует необходимость изучения севернорусской гидронимии во всем многообразии ее возможных связей, и нам непонятно упорство значительной группы топонимистов и этимологов, усматривающих в абсолютизации финской теории единственно правильный и научный путь решения проблемы ее происхождения.

Другим, не менее серьезным затруднением является наличие на территории северной и средней полосы Европейской части СССР двуслойных гидронимов, первые составные части которых могут употребляться в качестве самостоятельных гидронимов. Приведем наиболее характерные пары гидронимов этого типа:

Авда — *Авдюга*; *Авжа* — *Авженьга*; *Анда* — *Анданга*, *Андома*; *Арда* — *Ардинга*; *Ача* — *Ачюг*; *Аша* — *Ашанга*; *Бохта* — *Бохтюга*; *Вад* — *Вадуга*; *Вала* — *Валюга*; *Вара* — *Вареньга*; *Варза* — *Варзеньга*, *Варзуга*; *Вая* — *Ваеньга*; *Векша* — *Векшеньга*; *Веня* — *Венюга*; *Верда* — *Верденьга*; *Вича* — *Вичуга*; *Водла* — *Водлома*; *Вожга* — *Вожуга*, *Важуга*; *Воза* — *Возюг*,

¹⁶ А. П. Окладников, Якутия до присоединения к Русскому государству, М.—Л., 1955, стр. 131, 133.

¹⁷ Сходство гидронимии Сибири с гидронимией Севера Европейской части СССР уже отмечалось в специальной литературе: В. Б. Шостакovich, Историко-географическое значение названий рек Сибири, сб. «Очерки по землеведению Восточной Сибири», 2, Иркутск, 1926; А. В. Попов, К вопросу о хореографии и палеэтнографии Иркутской губернии, там же.

¹⁸ А. П. Окладников, указ. соч., стр. 131.

Вазюг; Войма — Войманга; Волма — Волманга; Вонжа — Вонжуга; Вохта — Вохтюга; Воча — Вочюг; Еда — Еденъга; Ежа — Ежуга; Ела — Еленьга; Ема — Еменьга; Ерза — Ерзенъга; Икса — Иксомга; Имза — Имзюг; Иста — Истома; Иша — Ишенъга; Карма — Карманга; Кача — Качуга; Керза — Керзенъга; Керша — Кершенъга; Кестра — Кестрома; Киржа — Кирженъга; Киса — Кисомга, Кисуга; Киста — Кистега; Кича — Кичуга; Кичма — Кичменъга; Кия — Киенга; Кода — Кодима; Кокша — Кокшенъга; Кола — Коленъга; Колда — Колдога; Конда — Кондога, Кондома; Корба — Корбанга; Корма — Корманъга; Коса — Косенга; Коча — Кочуга; Кочка — Кочкома; Куза — Кузенга; Лада — Ладонга; Лама — Ламенъга; Лапша — Лапшанга; Лача — Лачуг; Ледь — Леденга; Лежа — Леженъга; Лема — Леменъга; Луда — Лудонга; Лукша — Лукшанга; Лупта — Луптюг; Лухта — Лухтонга; Лында — Лындога; Майма — Майменьга; Мата — Матюг; Мегра — Мегрега; Мера — Мерянга; Мича — Мичюг; Мола — Молома, Молонга; Мота — Мотома; Моша — Мошьюга; Мурда — Мурднга; Нада — Надога; Нела — Неленьга; Ноза — Нозомга; Нурма — Нурменъга; Нырса — Нырзанга; Нима — Нюменьга; Нянда — Няндомга; Она — Онега; Онда — Ундуга; Оса — Осуга; Охта — Охтома, Охтонга; Оша — Ошуга; Пала — Паленьга; Пана — Панюга; Пара — Паранъга, Паркг; Парша — Паршенъга; Пежа — Пеженъга; Пеца — Пезега; Пержа — Перженъга; Петь — Петенга; Печа — Печеньга; Пина — Пинега, Пинюг; Перт — Пертома; Пока — Пукома; Порма — Порманга; Порса — Пурсанга; Поча — Поченьга; Пукиа — Пукишенъга; Пула — Пулонга; Пучка — Пучкома; Пуша — Пушеньга; Рада — Радуга, Рама — Раменъга; Ревда — Ревдуга; Сельма — Сельменга; Сия — Сиянга; Совда — Совдога; Соча — Сучуг; Сула — Сулонга; Сямжа — Сямженъга; Телза — Талзанга; Тома — Томинга; Тула — Тулома; Угра — Угреньга; Ульма — Ульманга; Унжа — Унженъга; Ура — Уронга; Урда — Урдога; Ухта — Ухтюга; Чела — Челнга; Челма — Челмохта; Чеша — Чешуга; Чура — Чурьнга; Шаба — Шабанъга; Шала — Шалюга; Шара — Шаранга; Шарда — Шарденъга; Шера — Шереньга; Шича — Шиченьга; Шукша — Шукшенъга; Юма — Юменъга; Юра — Юронга; Якиа — Якишанга; Яга — Яренъга; Яхра — Яхрога, Яхренъга.

Все перечисленные гидронимы действительно отмечены на картах и в специальных исследованиях по русской гидронимии¹⁹.

Принадлежат ли эти двусложные гидронимы типа *Лама*, *Якиа* и т. п. к финно-угорским языкам? Сторонники финской теории доказывают эту принадлежность довольно просто — путем сравнения по созвучию с каким-нибудь словом современных финно-угорских языков. На этом основании названия реки *Корба* будет обозначать просто «дремучий лес» (ср. фин. *korppi*, карельск.-ливвик. *korbi*, вепс. *kořb* «глухой дремучий лес»), *Шукиа* есть не что иное, как «червяк» (ср. марийск. *шукки* «червяк») (стр. 48). По мнению А. Соважо, гидроним *Мягра* означает «барсук» (ср. карельск. *mägrä* «барсук»), *Нылга* — «пихта» (ср. марийск. *нулго* «пихта»), *Сура* «рог» (ср. марийск. *шур*, коми-зырян. *скр*, фин. *sarvi*, венг. *szárvi*), *Тегра* — «крутой берег»²⁰. А. И. Попов связывал название реки *Пекша* с эрзя-мордов. *пекше* «липа»²¹. По М. Фасмеру, гидроним *Яхта* это «сосна» (ср. марийск. *jäktä* «сосна»). *Шуда* = марийск. *šudä* «трава», *Нельша* = марийск. *nelšä* «заглатывающий», *Уста* = марийск. *üstä* «хо-

¹⁹ См., например: M. V a s m e r, Wörterbuch der russischen Gewässernamen, 1—12, Berlin — Wiesbaden, 1960—1968.

²⁰ А. S a u v a g e o t, À propos de certains noms des lieux de Russie septentrionale, UALB, XXX, 1—2, 1958, стр. 4, 56.

²¹ А. И. П о п о в, Топонимическое изучение восточной Европы, «Уч. зап., [ЛГУ]», Серия востоковедеск. наук, 2, 1948, стр. 104.

лодный», *Шунга* = марийск. *šūŋgä* «небольшой холм»²². Название реки *Нюхча*, впадающей в Белое море, А. К. Матвеев связывает с саам. *njučkä* «лебедь» (стр. 53), название другой речки *Чукча* — с саам. *čukča* «глухарь» (стр. 47). Реконструированный таким способом гидронимический слой представлен именами существительными со значениями «лебедь», «глухарь», «пихта», «сосна», «червяк», «рог» и т. д. Совершенно очевидно, что в данном случае реконструируется нечто, не существующее в природе, а это в свою очередь свидетельствует о неправомерности самой процедуры. Таким образом гипотеза о принадлежности двусложных гидронимов финно-угорским языкам остается совершенно недоказанной. Эта проблема вообще неразрешима.

Трехсложные гидронимы типа *Яхрома*, *Егреньга*, *Коленьга*, *Анданга*, а также некоторые двусложные на *-уг*, *-кг*, *-нга* типа *Вачуг*, *Пычуг* представителями финской теории объявляются финно-угорскими на том основании, что наличествующие в них речные суффиксы якобы можно объяснить при помощи слов уральских языков. Например, гидронимические суффиксы *-кг*, *-нга* связываются с фин. *joki* «река». Формант «гласный + *-ньга* (*нга*)» типа *-анга*, *-онга*, *-еньга* связывается с марийск. *энер* «река» (где *-р* является словообразовательным суффиксом, а основа родственна венецк. *еңа* «речка» и, возможно, хант. *jüŋk* «вода», юкагирск. *опүе* «речка»), а также с суффиксом прилагательных *-ү*, известным в ряде уральских языков (стр. 50).

Прежде всего необходимо заметить, что чистые прилагательные в названиях рек для уральских языков нетипичны. По этой причине сопоставление рассматриваемого форманта со словообразовательным суффиксом *-ү* отпадает. Формант *-еньга* (*-jeŋa*) ближе всего к хант. *jüŋk* «вода» и ненеп. *еңа* (*jeŋa*) «речка» — их связывает начальное *j* и близость значений. Однако *jeŋa* в венецком языке неактивно в гидронимическом отношении. Варианты формантов *-анга*, *-онга* и марийск. *энер* «река» труднее сопоставлять с *jeŋa*, поскольку они не имеют начального *j*. Чередование гласных *a* и *o* можно объяснить только наличием редуцированного гласного в предполагаемом корне **əŋa*, имевшем значение «выдаваться» или «разветвляться», ср. хант. *оҕа* «живун, ключ; коса, выдающаяся в реку»²³, а также венг. *ag* «ветвь», возможно, из **əŋz*, а не из **saŋz*. Марийский корень *еү* также первоначально имел иное значение, ср. речное название *Енгенерка* (басс. Кокшаги).

Формант «гласный + *га*» типа *-ога*, *-уга* должен интерпретироваться, по мнению А. К. Матвеева, на прибалтийско-саамско-волжской почве (фин. *joki*, карел. *jogi*, саам. *jokká* «река», марийск. *йоги* «течение») (стр. 50). Однако эта этимология не объясняет, по какой причине исчезает начальный *j*. Уж если говорить об уральских соответствиях этого форманта, то лучше всего его связать с хант. *öŋ*, *öw* «течение».

Формант *-ома* А. К. Матвеев, ссылаясь на А. И. Попова, пытается связать с древним уральским суффиксом прилагательных «гласный + *т*». Названия на *V + ма*, по его мнению, характеризуются тем же уральским аффиксом, что и топонимы на *-ым* (*-им*, *-ум*) в Приуралье и Зауралье (стр. 50). Этимология маловероятна, так как названия рек, состоящие из прилагательных, для уральских языков не типичны. Формант *-ома*, а возможно, и формант *-ым*, *-им*, *-ум* восходят к самостоятельному названию реки, ср. *Ома*, река, впадающая в Баренцево море, *Ума* — река в бассейне Кулоя и *Ум* — приток Томи (басс. Оби). Эти названия можно было бы

²² См.: M. V a s m e r, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III, SPAW, Philosph.-hist. Kl., XIX, 1935, стр. 539.

²³ K. F. K a r j a l a i n e n, Ostjakisches Wörterbuch, bearbeitet und hrsg. von Y. H. Toivonen, I, Helsinki, 1948, стр. 33.

возвести к хантыйскому корню *õw*, *õw* «течение». *Ома* (*ou[?]ta*) первоначально, по-видимому, обозначало место, по которому что-либо протекает, чем и объясняется употребление суффикса *-та*. Любопытно отметить сходно звучащее современное финское *иота* «русло реки» (из *оота*). Позднее название русла могло получить значение «река». Все это крайне гипотетично.

Допустим, что все рассмотренные нами суффиксы действительно принадлежат уральским языкам. Однако и в этом случае проблема происхождения гидронимов типа *Яхрома*, *Ламаньга*, *Мегреньга*, *Луптюг*, *Возюг*, *Качуг*, *Елюга* и т. п. еще не решена. Если невозможно доказать финно-угорское происхождение двусложных гидронимов типа *Яхра*, *Лама*, *Мегра*, *Лупта*, *Воза*, *Кача*, *Ела*, то почему после прибавления к ним уральских речных суффиксов двусложные гидронимы становятся уральскими? В истории гидронимии известно немало случаев, когда речные суффиксы, принадлежащие определенному языку, накладываются на гидронимы иного происхождения. Таковы, например, гидронимы на территории Коми АССР типа *Жежим-ю*, *Лячим-ю*, *Шутим-шор*, где к речным названиям угорского происхождения прибавлены слова *ю* «река» и *шор* «ручей»; на территории расселения манси встречаются реки типа *Мулым-я*, *Атым-я*, обнаруживающие прибавление мансийск. *я* «река»; в Кировской области встречаются названия типа *Урдома-шур* (удм. *шур* «ручей»); ср. также фин. *Onta joki* «река Онда», *Tulema joki* «река Тулома» и т. д.

По-видимому, такого же происхождения приведенные в статье А. К. Матвеева гидронимы типа *Кучематка*, *Челмосарка*, *Кучесар*, *Чухченема*, *Шублахта*, *Шушкомень*, *Вондранда* и т. д. Отсюда следует вывод, что гидронимический суффикс может или указывать на происхождение гидронима, или свидетельствовать только об его более поздней обработке.

Если мы имеем нефинно-угорские гидронимы типа *Корба*, *Кунда*, *Куча*, *Луда*, *Лухта*, *Матка*, *Мурда*, *Пирта*, *Шарда* и *Шукиша*, то этимологизация сложных гидронимов *Корбанга*, *Кундюг*, *Кучема*, *Лудонга*, *Лухтонга*, *Маткома*, *Мурденьга*, *Пертеньга*, *Шарденьга* и *Шукишеньга* при помощи постулируемых А. К. Матвеевым прибалтийско-саамско-волжских основ *корб* «глухой лес», *куч* «гнилой», *луд* «утка», *лухт* «заливной луг», *матк* «путь», *мурд* «бурелом», *перт* «изба», *шард* «лось», *шукш* «червяк» лишается твердого основания.

Подтверждением того, что в трехсложных гидронимах имели место главным образом процессы наплаивания, а не естественного сложения элементов одного языка, могут служить такие любопытные факты, как невозможность осложнения двусложных гидронимов с исходом на *-га* суффиксами, содержащими элемент *г*, и двусложных гидронимов с исходом на *-ма* — суффиксами, содержащими элемент *м*. Иными словами, нет гидронимов типа *Ваганга* или *Вагуга* от *Вага* и *Маймома* или *Маймомень* от *Майма*, *Ламома* от *Лама* и т. д.

Определение источника происхождения двусложных гидронимов осложняется также и тем, что последние могут входить в состав гидронимов на *-ым*, *-им*, *-ум*. Ср. такие пары, как *Шукиша* и *Шукишум*, *Арда* и *Ардым*, *Кача* и *Качим*, *Ухта* и *Ухтым*, *Иша* и *Ишим*, *Мола* и *Молым*, *Ача* и *Ачим*, *Ава* и *Авдым*, *Мурда* и *Муртым*, *Куза* и *Кузим*, *Пыча* и *Пычим*, *Пуза* и *Пузым*, *Коза* и *Козым*, *Кича* и *Кичим* и т. д.

В своих многочисленных работах, посвященных проблеме происхождения севернорусской гидронимии, А. К. Матвеев неоднократно пытался расширить возможности применения финской гипотезы. В последней своей статье он выступил с гипотезой, постулирующей наличие в древности на территории Севера особой группы северных уральских языков, своего рода переходного звена между саамским, прибалтийско-финскими и

волжскими языками. Следует заметить, что сама эта идея не является оригинальной. Она была высказана еще в 1947 г. А. И. Поповым²⁴. Первоначальные ее истоки восходят к А. И. Шёгрёну, который в одной из своих работ утверждал, что все названия рек северной России на *-кга*, *-юга*, *-ега*, *-ога*, *-га*, *-енга*, *-еньга* и т. п. происходят из финско-лопарских названий рек вообще²⁵.

Система применяемых А. К. Матвеевым доказательств состоит из трех последовательных этапов.

Сначала отбираются гидронимы и топонимы с характерными для прибалтийско-финских языков дифференциальными признаками *-оя*, *-немь*, *-мень*, *-матка*, *-сара*, *-лахта* и т. д. типа *Маткоя*, *Кузьнема*, *Кургомень*, *Чемсора*, *Перхлохта* и т. д. Затем составляются коррелятивные ряды с подключением гидронимов с аффиксами *-анга*, *-еньга*, *-онга*, *-кга*, *-уга*, например, *Важемень* — *Важеньга* — *Важуга*; *Елссера* — *Еленьга*; *Изимень* — *Избой* — *Изига*, *Уронемо* — *Уросарка* — *Уронга*, в которых первые составные части оказываются сходно звучащими. На этом основании делается вывод о близком родстве языков, которым принадлежат сопоставляемые гидронимы, и устанавливается, что языки эти входят в так называемую северную группу уральских языков, представляющую переходное звено между прибалтийско-финскими, саамским и волжскими языками. Переходный характер этих языков устанавливается, таким образом, путем этимологизирования по внешнему созвучию.

Возникает вопрос: можно ли установить целую группу языков переходного типа при условиях неизвестности лексики более глубоких гидронимических слоев и достаточны ли для этой цели скудные лексические данные? Представляется, что этих данных далеко не достаточно, так как для суждения о переходном характере языков необходимо исследовать различные уровни этих языков.

А. К. Матвеев приводит в своей статье список, включающий 68 рядов соответствий гидронимов, обнаруживающих одинаковое или сходное звучание их первых составных частей. Прежде чем подробно рассматривать список, необходимо произвести анализ топонимических и гидронимических формантов, которые фигурируют в этом списке. Бесспорно прибалтийско-финскими с точки зрения А. К. Матвеева являются форманты *-нем*, *-нема*, *-немь*, *-мень*, *-меня*, *-мина* < фин. *niemi*, люд. *niem*, вепс. *ñet*, эст. *neet* «мыс; наволоку»; *-оя* (*-ой*, *-уя*, *-уй*), *-бой*, *-буй*, изредка *-ая*, *-ай*, *-ей*, может быть, сюда же *-вей* < фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* «речка, ручей, канава», ливвик. *voja* «ложбина, наполненная водой» = саам. *vuoi*, *vuai*, *uoij*, *vaj* и т. д. (окончания *-бой*, *-буй* возникли, по мнению А. К. Матвеева, под влиянием вепсского языка — *v > b*; стр. 45); *-сара*, *-сора*, *-сарь*, *-сор(ь)*, *-зора*. Последний формант связывается с вепс. *sara* «разветвление», люд. *suar* «ветвь, росоха», карел. *šuaara* «развилка, росоха» при фин. *haara* «разветвление» или саам. *suorr*, *sürr* «ветвь реки» (стр. 43).

Прежде всего заметим, что финские этимологи при этимологизации фин. *niemi* нигде не дают его варианта *теи*. Обычно приводятся соответствия: карел., олон. *niemi*, люд. *niem*, вепс. *ñet*, водск. *ñēti*, эст. *neet*, и на этом сопоставление заканчивается²⁶.

²⁴ А. И. Попов, Из истории финноугорских народностей, ч. 1. Докт. диссерт., Л., 1947, стр. 314.

²⁵ A. I. Sjögren, Über die älteren Wohnsitze der Jemen. I und II Abt., «Mémoires de l'Académie des sciences de Saint-Peterburg», VI Ser., I, 1832, стр. 343.

²⁶ Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. Joki, Suomen kielen etymologien sanakirja, II, Helsinki, 1958, стр. 376.

Откуда же появился вариант *-мень*? Его не могли создать сами вепсы, поскольку для них *ñet* было значимым словом и они не могли заменять его каким-либо другим словом. Очевидно, *-мень* появился в результате порчи русскими вепс. *ñet*. Однако трудно найти основание для такой порчи. Вепс. *ñet* не созвучно ни с каким значимым русским словом *мень* и оно не содержит звуков *л* или *р*, создающих благоприятные условия для метатезы. Я. Калима не случайно отрицал связь форманта *-мень* с фин. *niemi* «мыс»²⁷. Остается предположить, что в ареале распространения топонимов на *-мень* были субстратные топонимы с особым формантом *-мень*, который этимологически можно было бы связать с хант. *tiñ* «извилины реки, поворот»²⁸. Это слово в свою очередь этимологически связывается с мордов. *тепе-, теñде-* «гнуть», хант. *täñi-*, селькуп. *тепа-, туна-*, камас. *tüñi'*²⁹. Ср. также ненец. *моңга* «сухая низина, расположенная между изгибами реки», например: *яха' моңгахйна си''ив чарка мя'* «в изгибе реки (расположены) семь больших чумов»³⁰, или ненецк. *меңга* «заводь».

Такому предположению как будто бы совершенно противоречит тот факт, что формант *-мень* может сочетаться с прибалтийско-финскими основами, например, *Каргомень, Кургомень, Каскомень, Кузомень* и т. д. Замена *-немь* на *-мень* здесь могла быть произведена русскими, для которых оба форманта не имели никакого значения. Если это так, то топонимический формант *-мень* совершенно теряет доказательную силу как дифференцирующий прибалтийско-финский топоформант.

Не вызывает сомнений прибалтийско-финское происхождение гидронимического форманта *-оя*, но указанные А. К. Матвеевым варианты *-ой, -уй, -ай* мало доказательны уже потому, что они рассыпаны на довольно широком пространстве, выходящем далеко за пределы территорий прибалтийско-финских народов. Ср.: *Ад-уй* (Кама), *Ахт-ай* (Волга), *Вал-уй* (Ока), *Виск-ой* (Кама), *Кад-уй* (Сухона), *Керг-уй* (Молога), *Кув-ай* (Волга), *Куг-ай* (Ветлуга), *Нул-уй* (Мокша), *Пел-ай* (Волга), *Поом-ой* (Волга), *Портом-ой* (Волга), *Тапс-уй* (Сосьва), *Тыл-ай* (Косьва) и т. д., а один из притоков р. Уфы носит название *Ай*. Скорее всего, приводимые в списке гидронимы с суффиксами *-ой, -уй* являются смешанными по происхождению.

Вызывает сомнения и гидронимический формант *-бой*, который, по предположению А. К. Матвеева, должен получиться под влиянием вепского языка из первоначального *voj*: при каких условиях это должно было произойти, если в вепском нет фонетического закона, согласно которому всякое начальное *b* переходило бы в *v*? В вепском имеется ряд слов, начинающихся с начальным *v-*, ср. вепс. *voüged* «белый», фин. *valkea*, вепс. *vanh* «старый», фин. *vanha*. Не переходило *v* в *b* в вепском языке ни в интервокальном положении, ни в положении после звонких согласных, ср. вепс. *süva* «глубокий», фин. *syvä*, вепс. *koivuñe* «березовый», фин. *koivuinen*, вепс. *korvikas* «ушастый», фин. *korvakas*. В то же время выделенный А. К. Матвеевым формант можно сопоставить с тем *-бой* или *-буй*, который представлен в гидрониме *Еланбуй* (басс. Камы) и *Патембой* (басс. Печоры). Возможно, что формант *-бой* связан не с прибалтийско-финским *voj*, а с формантом *пой, поя* или *буй*, ср. название реки *Пуя*, впадающей в Вагу, *Пуя* — река, впадающая в Сосьву, *Буй* — приток Вятки и т. д. Озвончение *p* после согласных и в интервокальном положении возможно, тогда как *v* после звонких согласных в *b* обычно не переходит.

²⁷ J. K a l i m a, Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen, ZfslPh, XII, 1—2, 1935, стр. 135—136.

²⁸ K. F. K a r j a l a i n e n, указ. соч., стр. 524.

²⁹ B. C o l l i n d e r, Fenno-Ugric vocabulary, Stockholm, 1955, стр. 34.

³⁰ Н. М. Т е р е щ е н к о, Ненецко-русский словарь, М., 1965, стр. 259.

Если из списка, представленного А. К. Матвеевым, выписать все гидронимы, оканчивающиеся на *-бой*, то окажется, что сколько-нибудь удовлетворительно этимологизировать их на прибалтийско-финской или саамской почве совершенно невозможно (ср. *Азбуй*, *Анбуй*, *Избой*, *Ишкобой*, *Качебой*, *Кизбой*, *Кодобой*, *Котобой*, *Ладбой*, *Пажбой*, *Петобой*, *Солбой* и т. д.), хотя этого не должно было бы быть, поскольку формант *-оя*, к которому восходит, по мнению А. К. Матвеева, *-бой*, тесно связан с лексикой прибалтийско-финских языков. На основании вышеизложенного можно сделать вывод: топоформанты *-мень* и *-бой* не являются дифференциальными признаками прибалтийско-финских языков.

Попробуем теперь из списка 68 соответствий, представленного А. К. Матвеевым, исключить те соответствия, которые, с нашей точки зрения, не являются доказательными для обоснования гипотезы о существовании особой группы северных языков, пользуясь при этом следующими критериями: 1) возможная связь с двусложным гидронимом нефинно-угорского происхождения, 2) возможная связь с угорскими гидронимами на *-ым*, *-им*, *-ум* или *-ыш*, *-иш*, 3) наличие в одном из коррелирующих гидронимов формантов *-мень* и *-бой*, которые назовем отрицательными показателями. Аргументация будет заключена в скобки.

Азбуй — *Азенга* (отрицательный показатель *-буй* и возможная связь с гидронимами *Аза* и *Азюм*); *Анбуй* — *Анила* — *Анюг* (отрицательный показатель *-буй* и возможная связь с гидронимом *Ан-иш* в бассейне Волги, ср. также *Ан-о* = *Анозеро*); *Важемень* — *Важеньга* — *Важуг* (отрицательный показатель *-мень*); *Веромень* — *Верола* — *Верюга* (отрицательный показатель *-мень*); *Возьнем* — *Возюг* (возможная связь с гидронимом *Воза*); *Ежемень* — *Еженьга*, *Ежуга* (возможная связь с гидронимом *Ежа*); *Елесера* — *Еленьга* (возможная связь с гидронимом *Ела*); *Иванема* — *Иванга* (возможная связь с гидронимом *Ива*); *Изимень* — *Избой* — *Изюга* (отрицательные показатели *-мень* и *-бой* и возможная связь с гидронимом *Изюм*); *Индосарь* — *Индала*, *Индега* (возможная связь с гидронимами *Инда* и *Интым*); *Ирдоматка* — *Ирдома* (возможная связь с гидронимом *Ирдым*); *Ишкобой* — *Ишкома* (отрицательный показатель *-бой*); *Карамина* — *Каранга* (отрицательный показатель *-мина*); *Качебой* — *Качема* (отрицательный показатель *-бой* и возможная связь с гидронимом *Кача*); *Кизбой* — *Кизема* (отрицательный показатель *-бой*); *Киснема* — *Кисматка* — *Кислахта* — *Кисема* — *Кисига* (возможная связь с гидронимом *Киса*); *Кодосор* — *Кодой* — *Кодима* (возможная связь с гидронимом *Кода*); *Кондуя* — *Кондома* — *Кондюг* (возможная связь с гидронимом *Конда*); *Кортолахта* — *Кортюга* — *Кортюг* (возможная связь с гидронимом *Куртым*); *Котомина* — *Котбой* — *Котуга* (отрицательные показатели *-мина* и *-бой*); *Кулой* — *Кулома* (возможная связь с гидронимом *Кула*); *Куропалда* — *Куреньга* — *Курома* (возможная связь с гидронимом *Кура* в Карелии); *Ладбой* — *Ладуга* (отрицательный показатель *-бой* и возможная связь с гидронимом *Лада*); *Лапомень* — *Лапанга* (отрицательный показатель *-мень* и возможная связь с гидронимом *Лапа*); *Ледбой* — *Лебеньга* (отрицательный показатель *-бой* и возможная связь с гидронимом *Лебь*); *Лындуй* — *Лындюга* (возможная связь с гидронимом *Лында*); *Матнема* — *Матсара* — *Матенга* — *Матюг* — *Матома* (возможная связь с гидронимом *Мата*); *Онемина* — *Онега* (отрицательный показатель *-мина* и возможная связь с гидронимом *Она*); *Пажбойка* — *Пажуга* (отрицательный показатель *-бой*); *Пануй* — *Панюга* (возможная связь с гидронимом *Пана*); *Пачепалда* — *Пачелохта* — *Пачуга* (возможная связь с гидронимом *Поча*); *Пелемень* — *Пеленьга* — *Пелюга* (отрицательный показатель *-мень*); *Петобой* — *Петеньга* (отрицательный показатель *-бой* и возможная связь с гидронимами *Петь* и *Питим*); *Пуконема* — *Пукоранда* —

Пукома (возможная связь с гидронимом *Пока*); *Пучкое* — *Пучкома* (возможная связь с гидронимом *Пучка*); *Пыжемень* — *Пыжелохта* — *Пыжу* (отрицательный показатель *-мень*); *Роднема* — *Родома* (возможная связь с гидронимом *Рада*); *Рочимина* — *Рочуга* (отрицательный показатель *-мина* и возможная связь с угорским гидронимом *Рочегда*); *Русемень* — *Русинга* — *Русома* (отрицательный показатель *-мень*); *Совдоя* — *Совдюга* (возможная связь с гидронимом *Совда*); *Солбой* — *Солосора* — *Солуга* (отрицательный показатель *-бой*), *Сулуй* — *Сулонга* (возможная связь с гидронимом *Сула*); *Томой* — *Томанга* (возможная связь с гидронимом *Тома*); *Уронемо* — *Уросарка* — *Уронга*, *Урома* (возможная связь с гидронимом *Ура*); *Циломень* (очевидно, *Цигломень*) — *Циленга* (отрицательный показатель *-мень*); *Юрлахта* — *Юрома* — *Юронга* (возможная связь с гидронимом *Юра*); *Ярнема* — *Яренга* (возможная связь с гидронимом *Яра*).

Таким образом, из 68 гидронимических рядов, которые призваны, по мнению А. К. Матвеева, демонстрировать корреляцию первых составных частей гидронимов, 47 рядов соответствий на основании вышеизложенных критериев можно считать лишенными доказательной силы. Доказательность других рядов сомнительна, так как первые части гидронимов не поддаются пока этимологизации, например, *Елгуй* — *Елгома*, *Ернема* — *Ереньга*, *Керлахта* — *Керома*, *Мурлахта* — *Мурлюга*, *Сямуй* — *Сямоньга* и т. д.

В списке рядов соответствий, приведенном А. К. Матвеевым, имеются и гидронимы с отличительными признаками, характеризующими прибалтийско-финские языки, например: *Возньем*, *Керлохта*, *Матсара*, *Пенсора*, *Пукоранда*, *Совдоя*, *Юрлахта* и т. д. Однако первые составные части таких гидронимов или представляют собой вкрапления нефинно-угорских элементов, или чисто случайные созвучия прибалтийско-финских слов со словами иного происхождения. Не исключена возможность, что некоторые гидронимические суффиксы типа *-еньга*, *-юга*, *-ома*, *-мень* и т. д. принадлежат к близкородственным языкам, но это все же еще не свидетельствует о том, что они принадлежат к особой группе уральских языков переходного типа. Может быть, они даже не принадлежат к уральским языкам вообще.

Удалось ли А. К. Матвееву доказать существование особой группы северных уральских языков иным путем?

Если действительно существовала особая группа северных языков переходного типа, объединяющая в себе черты прибалтийско-финских, саамского и марийского языков, то естественно возникает вопрос, как отличить слова, доказывающие переходный характер языка, вернее — существование особой группы языков, от слов, этимологически родственных и указывающих на принадлежность данного языка вообще к группе финно-угорских языков. Ведь если мордов. *панжомс* «открывать» и хант. *пуншита* «открывать» сопоставимы, то это еще не значит, что мордовский и хантыйский языки принадлежат к одной группе. У А. К. Матвеева слова, которые должны указывать на переходный характер северной группы языков, обычно подвергаются тем же фонематическим законам, каким подвергались соответствующие слова в изолированно существующих языках. Классическим в этом отношении примером может служить анализ топонима *Шарбосмень* на Пинеге, который А. К. Матвеев связывает с марийск. *шарбо* «лось». В марийск. *шарбо* начальный *ш* исторически возник из *ś*, ср. эрзя-мрд. *šardo* «лось». Следовательно, *ś* в переходном языке так же, как в марийском, изменилось в *š*. В топонимах *Шушкомень* < *Шушкомень* (мыс на реке *Шушка*) < марийск. *шукиш* «червяк» и *Шуломень* < <марийск. *шула-* «таять», ср. фин. *sula-* «таять», эрз. *солаз* «талый», происходит, как в марийском, изменение первоначального *s* в *š*. Топоним *Лудне-*

ма сопоставляется с марийск. *лудо* «утка». Если марийск. *лудо* «утка» поставить в один ряд с фин. *lintu* «птица», кольско-саам. *londe*, манс. *lunt* «гусь» и хант. *lont, tunt* «гусь», то оказывается, что в переходном языке должно было совершиться такое же упрощение группы *nt*, как и в марийском (стр. 48).

В словах, которые, по А. К. Матвееву, указывают на переходный характер северной группы языков и на связь их с саамским, совершаются те же звуковые переходы, что и в саамском, например, в названии реки *Явроньга* наблюдается та же трактовка группы *gr*, что и в саамском³¹. Гидроним *Челмосарка* связывается с саам. *čoałte* «пролив» и т. д.

В действительности все эти сопоставления лишены оснований. Сопоставляя топоним *Шардомень* с марийск. *шардо* «лось», А. К. Матвеев упустил из виду, что в районе деревни Шардомень имеются две реки — *Верхняя* и *Нижняя Шарда*; по-видимому, *Шардомень* некогда означало «Шардинский поворот» или «Шардинский мыс»³². То же самое следует сказать о сопоставлении топонима *Шушкомень* (из *Шушкомень*), названного так по гидрониму *Шушка*, ср. марийск. *шуки* «червяк»: трудно поверить, чтобы древние жители Севера чистую лесную речку называли «червивой». Вряд ли можно связывать топоним *Луднема* с марийск. *лудо* «утка», поскольку существуют гидронимы *Луда* и *Лудонга*. Не убедительна расшифровка топонима *Шуломень* как «талый мыс» в связи с марийск. *шулата* «талый», поскольку топоформант *-мень*, как указывалось выше, не является специфическим показателем топонимии прибалтийско-финского и волжского типа. В гидрониме *Челмосарка* не заключено саамское слово *čoałte* «пролив»: вепсы могли обработать нефинно-угорский гидроним *Челма*; к тому же приток реки не может быть морским или озерным проливом. Название *Вондранда* не обязательно связывать с марийск. *вондо* «куст», как это делает А. К. Матвеев, элемент *вонд* можно сравнить с первым составным элементом гидронима *Вонтым* и хант. *вант* «мыс». Название рек *Нюгча* и *Чукча*, впадающих в Белое море, по нашему мнению, не имеет никакого отношения к саам. *njukčā* «лебедь» и *čukčā* «глухарь», поскольку элемент *-ча* в двусложных названиях рек выражается довольно часто, например: *Поча, Кача, Шача, Вича, Ача, Печа, Пыча, Ротча, Моча, Хотча* и т. д.; встречается он и в трехсложных гидронимах — *Молокча, Колокча* и т. д.

А. К. Матвеев утверждает, что основа *ягр* «озеро» сохраняет звук *g ~ γ*, который впоследствии исчез в этом слове во всех прибалтийско-финско-саамско-волжских языках (фин. *järvi*, саам. *jaur, jawre*, марийск. *ер* и т. д.). Восстанавливая древнюю форму **jagr*, А. К. Матвеев связывает эту основу с русск. *озеро* и литов. *ežeras*, пытаясь на этой основе доказать наличие чрезвычайно древних контактов между восточными европейскими и финскими языками (стр. 53). Интервокальная группа *-gr-* в субстратных основах *мегр-, ягр-* в современных волжских языках, по мнению А. К. Матвеева, выступает в измененном виде вследствие метатезы (*gr > rg*) и последующей переработки: марийск. *нерге* «барсук», марийск. *ер*, морд. *эрке* «озеро» (ср. субстратное *Ергус*, встречающееся часто в озерных названиях, и *Ярголойда*). Установление этого соответствия позволяет считать достоверными опорные этимологии марийск. *нерге* ~ карел. *mägra* «барсук», марийск. *нулго* «пихта» ~ фин. *neula*, карел. *negla* ~ субстратное *негл-* «игла», поскольку группа *-gl* аналогична группе *-gr* (стр. 53).

Вышеприведенные утверждения не учитывают данных исторической фонетики финно-угорских языков. Если бы фин. *järvi* «озеро» действительно

³¹ Фактически это неверно.

³² Поскольку мысы часто возникают в излучинах рек, то не исключена возможность наличия у субстратного топоформанта *-мень* значения «мыс».

но восходило к основе *jagr-*, точнее *jägre-*, то оно звучало бы как *jäyri*, а в карельском *jägri*, поскольку группа *-yr* в истории финского языка превращалась в дифтонг, ср. карел. *mägrä* «барсук», но фин. *mäyrä*, карел. *nagra* «смех», но фин. *naura*. Группа *-rv* в фин. и карел. *järvi* «озеро» является исконной и хорошо сохранялась, ср. такие слова, как фин. *parvi* «куча», *hirvi* «лось», *irvi* «оскал зубов», *sorvi* «токарный станок» и т. д. Сохранялась она и в саамском, ср. фин. *sarvi* и саам. *šoarve* «рог». Следовательно, группа *-ur*, *-ur* в саам. названиях озера *jaur*, *jaur* возникла в результате метатезы составных элементов группы *-rv*. В пользу такого предположения говорит и то обстоятельство, что в саамских диалектах не обнаружено названия озера, сохраняющего постулируемую А. К. Матвеевым и А. И. Поповым ³³ группу *-gr*. Встречающийся в Двинских грамотах гидроним *Рушеягр* ³⁴ также ничего не доказывает, так как *Рушеягр озеро* может быть полупереводом. Оспорена может быть и этимология *ягр* «озеро», поскольку В. Далем зафиксировано архангельское и олонекское диалектное слово *ягра* «мелкое песчаное дно реки, озера, моря» ³⁵. Ср. также название *Ягорский остров* ³⁶, т. е. «остров на отмели». Поэтому наличие основы *ягр-* «озеро» в таких гидронимах, как *Ягрыш*, *Ягрема*, *Яхрома*, *Яхреньга* и т. д., является мнимым.

Если в марийск. *нерге* «барсук» (ср. карел. *mägrä* «барсук») с известной натяжкой можно признать метатезу группы *-gr*, то этого нельзя сказать в отношении морд. *эрьке* «озеро». Конечный элемент *-ке* в слове *эрьке* «озеро» по происхождению является уральским уменьшительным суффиксом *-ke* ³⁷. Первоначально оно имело значение «озерко». Более поздняя утрата уменьшительно-экспрессивного значения — явление вполне обычное, ср. франц. *soleil* «солнце» из латинского *soliculum* «солнышко». В финском языке уменьшительный суффикс *-ke* дает образования типа *saareke* «островок». Отсюда следует, что он не имеет абсолютно никакой связи с группой *-gr*.

В марийском *нулго* «пихта», по утверждению А. К. Матвеева, якобы имела место метатеза группы *-gl*, ср. фин. *neula* «игла» из *negla*. Однако в родственных языках группа *-lg* не подвергается перестановке, ср. эст. *nulg* «пихта» и хант. *nälki* то же ³⁸. Фин. *neula* связывается с др.-герм. **nāp̥lō* «игла» ³⁹.

На русской почве, по мнению А. К. Матвеева, происходит нивелировка близких по звучанию гидронимических формантов; поэтому иногда трудно отличить пермские основы от севернофинских; ср. *из-* в *Изюга* — коми-зырян. *из* «камень» или марийск. *изи* «маленький», *ош* в *Ошуга* — коми-зырян. *ош* «медведь» или марийск. *ош* «белый» (стр. 54).

Однако о «близком звучании» основ здесь не может идти речи, так как в марийском *изи* «маленький» возникло из *ч* (*ичи*), и это изменение произошло относительно поздно (не раньше XVI в.). То же самое можно сказать и о речном названии *Ошуга*: если бы в нем наличествовало коми-зырянское слово *ош* «медведь», то это название звучало бы как *Ошкуга*.

³³ А. И. Попов, Топонимика Белозерского края, «Уч. зап. [ЛГУ]». Серия востоковед. наук, 2, стр. 173.

³⁴ «Сборник грамот Коллегии экономии», I — Грамоты Двинского уезда, Пг., 1922, стр. 2.

³⁵ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, IV, М., 1955, стр. 673.

³⁶ «Сборник грамот...», стр. 882.

³⁷ См.: Y. H. Toivonen, Suomen kielen etymologinen sanakirja, I, Helsinki, 1955, стр. 132.

³⁸ B. Collinder, указ. соч., стр. 42.

³⁹ Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja, II, стр. 375.

Сравнивая фин. *haara*, вепс. *sara* «разветвление», людик. *suar* и саам. *suorr*, *sũrr* «ветвь реки», а также коми-зырян. *шор*, удм. *шур* «река», венг. *ár* «поток» и манз. *tūr*, *tōr* «озеро», А. К. Матвеев реконструирует без конечного гласного архетипную форму *šyr (стр. 43). Эти данные явно устарели, так как в настоящее время связывается в единый ряд только венг. *ár* «поток» и манс. *tūr* «озеро». Архетип мог иметь форму *sarз или šarз⁴⁰. Гласный *о* в коми-зыр. *šor* возник из *е*. Более древняя форма *šer* сопоставляется с венг. *ér* «ручей»⁴¹. Фин. *haara* может быть сопоставлено с ненец. *tārkká* «ветвь», где *-kka* — уменьшительный суффикс⁴².

Таким образом, существование особой группы северных языков, представляющих переходную ступень между саамским, прибалтийско-финским и волжскими языками, А. К. Матвееву доказать не удалось.

В заключение отметим, что проблема происхождения верхних слоев севернорусской топонимии никогда окончательно не будет разрешена. Эта топонимия представляет конгломерат различных языковых элементов, которые отражают древние миграционные потоки, идущие из Средней России и Сибири, и которые позднее были перекрыты собственно угро-финской топонимией. Вряд ли дальнейшие исследования прибавят что-либо существенное к этому общему выводу.

⁴⁰ «A magyar szókészlet finn-ugor elemei. Etimológiai szótár», I, Budapest, 1967, стр. 91.

⁴¹ Там же, стр. 160.

⁴² Y. H. Toivonen, указ. соч., стр. 47.